

Современная этическая экспертиза требует анализа наличных практик в сфере российского бизнеса. А сравнение и типология последуют...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Дискурс и истина / М. Фуко. [Электронный ресурс] // URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/07.pdf (дата обращения 01.04.2015).
2. Этика успеха: Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 11. Российская идея успеха: экспертиза и консультация. – Тюмень-Москва: Издание Центра прикладной этики и Финансово-инвестиционной корпорации “Югра”, 1997.
3. Научно-производственное объединение мир. Суворовское управление // URL: <http://mir-omsk.ru/about/suvorov-management/>.

УДК 17.0

Я. А. МАКАКЕНКО

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОМ
ЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов и проблем, связанных с феноменологической этикой, и возможности применения феноменологического метода в этике.

Этика, феноменология, феноменологическая этика

Y. A. MAKAKENKO

THE PHENOMENOLOGICAL PARADIGM IN MODERN ETHICAL
DISCOURSE

This Article is devoted to some Questions and Problems of phenomenological Ethics and abilities of phenomenological Method in Ethics.

Ethics, Phenomenology, phenomenological Ethics

То, что в заголовке к этой работе было представлено как заявка на рассмотрение феноменологической парадигмы в современном этическом дискурсе, будет рассмотрено здесь, скорее, как проблема представления феноменологии в качестве возможности для этического дискурса.

Поскольку и в первом, и во втором случае тема предполагает обсуждение весьма широкого круга источников и проблем, что в формате тезисов к докладу невозможно обсудить достаточно глубоко, я ограничусь обзором постановок некоторых вопросов, возникающих в области данной тематики.

Во-первых, уже само сопоставление феноменологии и этики в едином смысловом поле представляет собой достаточно серьезную проблему. В рамках классической феноменологии не возникает собственно "этики", прежде всего в силу того, что классическая феноменология ставит перед собой в качестве своей основной задачи анализ, прояснение и экспликацию структур опыта сознания, что само по себе является задачей теоретико-познавательной и, безусловно, не предполагает этических импликаций. Тем не менее, воззрения большинства феноменологов оказываются, если не собственно "этическими" (как это происходит в случае М. Шелера, Н. Гартмана, К. Войтылы или Э. Штайн), то, по крайней мере, "этически соразмерными" (как, например, у М. Хайдеггера).

Во-вторых, существует достаточно серьезная проблема единства феноменологического движения, которое при постановке вопроса о том, как понимать феноменологию, в качестве проблемы рассматривали уже сами феноменологи.

Истоком здесь становится вопрос о том, кто в действительности является "родоначальником" феноменологии: Гуссерль или Brentano? Фактически базовые принципы феноменологии (такие как интенциональность, например) сформулировал Brentano. Гуссерль развил их, оформил и попытался разрешить главную проблему, которая возникает при анализе жизни сознания: понять, каков статус психического и логического компонентов сознания и существует

ли возможность их сочетать при попытке выйти в поле реальной жизни "среди вещей".

Поставленная проблема упиралась в разрешение вопроса о том, является ли сохранение статуса психического и его конкретных проявлений поводом для отказа от рационального и теоретического и сводимы ли психические акты к процессам аналогичным построению новой теоретической речи. Brentano и Husserl в решении этого вопроса в достаточной степени расходятся, и именно это "расхождение во взглядах" становится поводом к развитию этических импликаций внутри феноменологического движения. Уже ближайшие ученики Husserl, такие как, например, Heidegger, серьезно отступают от классических канонических методов, и, в какой-то степени, совершают "обратный ход" к феноменологии Brentano, которая, в отличие от феноменологии Husserl, вне всякого сомнения, является этически-ориентированной.

Второй важный вопрос здесь - это то, кого именно считать феноменологом, и по каким критериям определяется эта принадлежность. Известно, что сам Husserl причислял к феноменологии огромное количество учеников также легко, как и "отлучал" их от феноменологического движения. Безусловно, опора на авторитет основателя здесь не может быть аргументом, что требует серьезной работы по прояснению критериев принадлежности. Конечно, никаких сомнений не возникает в этом отношении относительно самого Husserl, но в отношении, допустим, Heidegger или Brentano, которые, несомненно, являются основными фигурами внутри феноменологии, несомненно, требуются некоторые обоснования. Подобные "подтверждения принадлежности" могут потребоваться также в отношении Sartre, de Beauvoir, Merleau-Ponty, Levinas и Jonas, внесших свой вклад в этические исследования в феноменологическом духе, также как для Arendt, Foucault и Derrida, которые с еще большими трудностями "включаются в традицию", хотя для этого есть некоторые основания.

Во-вторых, серьезной проблемой является то, что этическая проблематика, которая возникает внутри феноменологии, у большинства

феноменологов очевидна, но не выражена как собственно «этика», что требует реконструкции этики внутри феноменологии.

Здесь возможны два основных хода решения. Мы можем заниматься рассмотрением источников, имеющих отношение к этике, с целью собственно реконструкции этики, либо прокладывать пути, на которых феноменологический метод может способствовать продвижению этической мысли в круге актуальных для современности проблем. Второе может показаться нонсенсом, однако, разработка основных проблем феноменологии с этой целью, может быть весьма плодотворной и актуальной задачей, поскольку субъективный опыт или, выражаясь феноменологически, "опыт индивидуального сознания", не может быть проигнорирован, если мы на серьезных основаниях занимаемся этикой.

В-третьих, поскольку "жизнь сознания" – центральный для феноменологии вопрос, этика, если рассматривать ее в контексте феноменологического метода, оказывается глубоко антропологичной. Смысловые контексты, которые могут здесь возникать, в конечном итоге, сводятся к упомянутому выше вопросу о том, существует ли взаимосвязь логических и волевых актов, а также переживаний и эмоций, и к проблеме возможности рассмотрения эмоциональной жизни субъекта в качестве основы этического действия. Этих вопросов невозможно избежать ни внутри самой так называемой "феноменологической этики", ни при рассмотрении этики в контексте феноменологии. Однако если ставить эти вопросы в качестве основания для построения "работающей" этической модели, здесь возникает необходимость построения онтологической модели, необходимой для "обоснования" этики. Тем не менее, этика, если рассматривать ее в контексте феноменологии, и собственно феноменологическая этика стремятся к снятию возможности онтологических построений самого разного толка, а значит и этики как системы, что само по себе является противоречием. Это открывает целый ряд вопросов. Прежде всего, вопрос о возможности несистематических

вариантов этики внутри феноменологии, а также вопросы о возможности основного нравственного принципа и дедукции системы ценностей и норм.

УДК 17.0

В. Т. МАКЛАКОВ

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ДИЛЕММА
И ЛИНИИ РАЗВИТИЯ

Этика как знание (наука) о морали должна спешить, чтобы соответствовать неумолимой динамике современной цивилизации.

Этический дискурс, определяющая дилемма современного этического дискурса, прикладная этика

V. T. MAKLAKOV

MODERN ETHICAL DISCOURSE: THE IDENTIFICATION DILEMMA AND
DEVELOPMENT LINES

Ethical discourse, the determinant dilemma of modern ethical discourse, applied ethics

Определяющая дилемма. Этика как знание (наука) о морали должна спешить, чтобы соответствовать неумолимой динамике современной цивилизации. Метаморфозы, что произошли с ней в течение минувших полутора столетий, фундаментальны: она как будто перестала быть базовой отраслью в составе философии, уходит из системы образования, замещается этикетом в крайнем случае, не вписывается в параметры научности, теоретичности, и склонна смещаться на орбиту здравого смысла – common sense. Эти изменения аккумулируются в констатации несостоятельности в наши дни принципов классической этики от Аристотеля до Канта. Это одна сторона вопроса. С другой стороны, со стороны морального поведения, этоса как реальной данности, наблюдается эрозия традиционной нормативности, рост нигилистических имморалистских установок, их апология с позиций того же